

Следовательно, выражение «наговорил» можно было бы перевести и глагольной формой 'spuse'. Несмотря на это, переводчик отказался от этого бесцветного эквивалента и предпочел ему другой способ, и поступил очень правильно, поскольку совершенно очевидно, что словосочетание, к которому он прибег, несравненно целесообразнее для передачи соответствующего эпизода, чем глагол 'a spune'. Ведь синтагма *наговорила* (барышням грубостей) не означает просто «сказала (барышням несколько невежливых слов)», а означает, что эти слова были сказаны оскорбительным тоном, то есть именно то, что выражено прекрасно предложением 'le zvirli... în obraz o seamă de grosolăanii'.

Отсюда вытекает следующее заключение: один и тот же русский приставочный глагол (и это замечание применимо в принципе для большинства слов из всякого языка) нельзя переводить одним и тем же словом когда угодно и в любых условиях. Здесь все — или почти все — зависит от контекста. Способ, использованный для передачи глагола *наговорить*, взятого из текста Толстого совершенно не подходит для передачи этого же самого глагола, зарегистрированного в тексте Тургенева. Такой гипотетический перевод (соответствующей фразы из романа «Накануне») как, например, следующий: «Şubin se duse întradevăr la prințul Cicurasov, căruia îi zvirli în obraz, cu mutra cea mai amabilă, impertinențele cele mai usturătoare», оказался бы совершенно неприемлемым, так как он противоречил бы той исключительно вежливой форме, в которую Пубин облёк свои несколько дерзкие и колкие слова, обращенные к князю.

Как известно, русские глаголы выражают преимущественно грамматическую категорию вида, в то время как категория времени отходит на второй план. Этим объясняется тот факт, что русскому приставочному глаголу часто соответствует сочетание состоящее не менее, чем из двух слов, поскольку приставка является основным показателем совершенного вида. Например, для того, чтобы перевести глагол *подумать* из следующей фразы: «Отцов постоял, *подумал* и пошел к реке искать Грябова» (Чехов, *Дочь Альбиона*), переводчик должен был использовать несколько слов: «Oțtov stătu o clipă pe gînduri, apoi se îndrptă spre rîu, să-l caute pe Griabov».

Глагольная форма *подумал* может послужить нам превосходной иллюстрацией для одного из самых удачных определений глагольного вида, согласно которому вид есть не что иное, как синхронизация понятия о времени и понятия о наречии (в широком смысле этого слова). Так в слове *подумал* идея времени выражена суффиксом *-д* (показатель прошедшего времени), а идея наречия (в данном случае представление о количестве) выражена префиксом *по-* (который указывает на ограниченную длительность действия).

В аналитических языках, среди которых числится и румынский, эти два понятия не совпадают (не синхронизированы) в одном слове, а выражаются обычно двумя или несколькими словами: *stătu o clipă pe gînduri*. В этой синтаксической единице прошедшее время обозначено формой 'stătu (pe gînduri)', а количественное наречие выражено именем существительным 'o clipă', имеющим наречное значение.

Система префиксации, широко распространенная в русском языке, дает этому языку большие (мы бы даже сказали колоссальные) преимущества. Во-